

Мазурика Юлия Владимировна
*Преподаватель Харьковского гуманитарного
университета «Народная украинская академия»
(г. Харьков)*

Учреждение Корейской духовной миссии как попытка осуществления российского культурного влияния в Корее

В современных постколониальных исследованиях большое внимание уделяется изучению проблем «культурного колониализма». Одним из наименее изученных аспектов данного дискурса является христианское миссионерство, которое в XIX – первой половине XX вв. находилось в тесной взаимосвязи с колониальной политикой ведущих стран Запада, часто выходя за рамки исключительно религиозной деятельности и преследуя более широкомасштабные цели. Российское правительство, видя большой успех иностранных миссионеров на этом поприще, также стремилось к учреждению своих православных миссий в странах, где имело наибольший политический и экономический интерес.

Ярким примером учреждения духовной миссии «в противовес все увеличивающемуся влиянию иностранных миссионеров», а также с целью «проведения в корейскую жизнь православных русских начал» является Российская духовная миссия (*далее - РДМ*) в Корее, учрежденная в 1897 г. по инициативе Министерства иностранных дел Российской империи и лично министра финансов С. Ю. Витте. Посредством распространения православия предполагалось способствовать усилению российского культурного влияния в Корее, укрепляя тем самым влияние политическое.

В этой связи целью данной статьи является исследование взаимосвязи между основными задачами, ставившимися перед Корейской духовной миссией при учреждении, и их после-

дующей реализацией. На основании архивных делопроизводственных документов (переписка обер-прокурора Св. Синода, министра финансов С. Ю. Витте и руководства российского МИД) сделана попытка проанализировать причины угасания внимания к деятельности Коре́йской духовной миссии в правительственных кругах Российской империи, а также степень реальных возможностей Русской Православной Церкви (*далее - РПЦ*) соперничать с католическими и протестантскими миссионерами в Корее.

Реальным толчком к обсуждению вопроса об организации Коре́йской духовной миссии послужила записка секретаря и драгомана Российской дипломатической миссии в Корее Н. А. Шуйского, направленная в МИД весной 1889 г., спустя пять лет после установления официальных русско-корейских отношений. В записке по вопросу «об устройстве Православной миссии в Корее» [1, л. 3-12]. Н. А. Шуйский писал о необходимости для России приобретения в Корее «культурного влияния» как «фундамента, на котором строится влияние политическое». Под «культурным влиянием» он понимал влияние торгово-промышленное («водворение в стране иностранных предпринимателей купцов»), интеллектуальное (прибытие в страну «специалистов по разным отраслям знания») и религиозное (воздействие путем деятельности миссионеров). Однако же, Н. А. Шуйский добавлял, что первые два направления для России «весьма затруднительны и почти невозможны ввиду превосходства западноевропейских держав, располагающих несравненно большими средствами», в то время как «поприще православной миссионерской деятельности» могло бы быть весьма успешным.

По мнению Н. А. Шуйского, православная миссионерская деятельность в Корее могла бы способствовать формированию «почтения туземного населения к России», а также «противодействовать иноверной пропаганде в Корее – католической и протестантской», которая еще не успела развернуть широкой проповеднической деятельности в стране. Еще одним

основанием для учреждения миссии являлась возможность получения от миссионеров, стоявших по роду своей деятельности близко к населению, необходимых с точки зрения российских государственных интересов сведений.

По прочтении «любопытной записки коллежского асессора Шуйского» российский посланник в Китае А. М. Кумани (1886–1890) доносил директору Азиатского департамента МИД, что считает возможным применять мысли Шуйского постепенно, поскольку начать необходимо с «устройства небольшого училища во Владивостоке для немногих миссионеров из русских и корейцев». По его мнению, «дело было бы прочнее, если б они [православные миссионеры. - Ю. М.] посылаемы были для проповеди в Корею только тогда, когда достаточно подготовились бы к успешной деятельности и когда потребность или польза в учреждении там Духовной Миссии выяснилась бы полнее и точнее» [1, л. 22-22 об.].

После переписки, инициированной запиской Н.А. Шуйского, дело об учреждении РДМ в Корее было приостановлено в МИД вплоть до 3 января 1897 г., когда вице-консул Дипломатической миссии в Корее З. М. Поляновский обратился с просьбой направить православного священника в Сеул и построить там храм. Эта просьба была связана с увеличивавшимся числом православного населения в столице Кореи, которое, по подсчетам вице-консула, составляло 150 человек (в числе которых российские военные инструкторы, учителя русской школы, русские подданные православные корейцы и др.) [10, с. 179-181].

Примечательно, что с 1896 г. вне всякой связи с МИД вопрос об учреждении РДМ в Корее поднимался Министерством финансов и лично его главой С. Ю. Витте, который вследствие нового соотношения сил в восточноазиатском регионе после японско-китайской войны 1894–1895 гг. активно взялся за формирование новой дальневосточной политики Российской империи. В ходе стремительного усиления российского влияния в Корее, которое достигло своего зенита в 1896–1897 гг.,

учреждение Миссии рассматривалось в Министерстве финансов как одна из форм обеспечения культурного влияния Российской империи в Корею.

Дело об учреждении в Корее православной миссии, хранящееся в фонде Канцелярии Министерства финансов (РГИА, Ф. 560), открывается выпиской из письма коммерческого агента Д. Д. Покотилова из Сеула от 14/26 октября 1896 г. [8, л. 1-3], в которой сообщалось о «все увеличивающемся влиянии американских миссионеров» в Корее. Д. Д. Покотиллов указывал на множество миссионерских школ, в которых корейские дети приобретали чисто американские симпатии - фактор, с которым, по мнению коммерческого агента, России придется очень серьезно считаться в будущем.

В этой связи он вспоминал о записке назначенного консулом в Тяньцзинь Н. А. Шуйского относительно необходимости учреждения РДМ в Корее, указывая на то, что Миссия могла бы стать противовесом все возрастающему влиянию американских миссионеров в стране.

«Приходится, однако, с грустью сознаться, что миссионерский дух вполне отсутствует среди даже выдающихся слуг нашей церкви. Это мы видим воочию на примерах Пекина и Токио, - читаем в письме Д. Д. Покотилова по поводу отсутствия миссионерского сознания среди российского православного духовенства. Д. Д. Покотиллов высказывал удивление тем фактом, что даже «блестящий пример преосвященного Николая Японского», не увлекал на миссионерское поприще молодых монахов: ни один из них не ужился в Японии дольше 1-2 годов, стремясь возвратиться в Россию, заняться написанием магистерской диссертации и сделать духовную карьеру. «Можно быть уверенным, что если бы удалось найти для Кореи второго епископа Николая, то успех его трудов в здешней стране был бы не менее велик, чем успех православной миссии в Японии», - делал вывод он, добавляя что «дело насаждения православия» в Корее будет во многом зависеть от выбора начальника Духовной миссии.

Примечательно, что дело об учреждении РДМ в Корее было решено Министерством финансов и духовным ведомством в максимально короткий срок и без участия МИД. В декабре 1896 г. директор канцелярии Министерства финансов обратился с письмом к директору Азиатского департамента МИД с просьбой ознакомиться с донесениями российских дипломатических представителей в Сеуле, касающихся экономического положения в Корее, в том числе с запиской Н. А. Шуйского об учреждении православной миссии [1, л. 38]. 1 февраля 1897 г. запрашиваемые документы были отправлены, а уже 28 июня 1897 г. министр иностранных дел М. Н. Муравьев получил от С. Ю. Витте уведомление об учреждении Корейской духовной миссии, на что 20 июня 1897 г. было получено «всемилошвейшее соизволение Его Императорского Величества». МИД не замедлил вмешаться в процесс дальнейшей организации Духовной миссии, отметив, что именно МИД рассматривал это вопрос еще в 1889 г. и что только совместными усилиями всех ведомств будет возможным успешное функционирование православной миссии в Корее. В письме к товарищу обер-прокурора Св. Синода В. К. Саблеру от 29 июня 1897 г. М. Н. Муравьев отмечал, что создание РДМ в Корее может вызвать негативную реакцию со стороны Японии, которая стремится к усилению своего влияния в Корее и в учреждении РДМ может усмотреть шаг на пути к активизации в Корее российской политики [См. подр.: 5].

Дело об отправке Миссии в Корею затянулось вплоть до 1899 г., главной причиной чего стала высылка российских военных инструкторов и финансового советника К. А. Алексеева из Кореи весной 1898 г. Приоритеты российской политики на Дальнем Востоке в этот период окончательно были отданы Маньчжурии, и Корея отошла для России на задний план в борьбе с Японией за сферы влияния в регионе: путем уступок в Корее российское правительство рассчитывало добиться для себя большей свободы действий в Северо-Восточном Китае.

К тому же Н. Г. Матюнин, российский дипломатический представитель в Корее в 1897–1898 гг. неоднократно доносил в МИД о том, что не уверен в способности православных миссионеров вести успешную миссионерскую деятельность в Корее, вследствие чего он ставил под сомнение саму возможность конкурировать на равных с иностранными миссионерами в стране. В этой связи даже обговаривалось предложение о переименовании РДМ в Корее в причт при дипломатическом представительстве, но, тем не менее, было решено оставить Миссию в виду того, что ее наличный состав (3 человека) и финансовое содержание будут способствовать проведению миссионерской деятельности «в весьма скромных размерах» [1, л. 94-145].

Действительно, с момента прибытия в Сеул первого православного миссионера иеродиакона Николая (Алексеева) в январе 1899 г. налицо было полное невнимание к нуждам новоучрежденной миссии со стороны как непосредственных ее организаторов, так и Св. Синода. В связи с переориентацией дальневосточной политики Российской империи, деятельность Корейской духовной миссии стала неинтересной ее учредителям, которые предоставили ей возможность развиваться собственными силами. Это негативным образом отразилось, прежде всего, на финансировании Миссии, которая в сравнении с финансовым обеспечением Китайской и Японской духовных миссий имела наиболее малочисленный штат и наименьшие результаты деятельности соответственно (См. Табл. 1).

Положение Миссии еще более усугубилось с началом русско-японской войны 1904–1905 гг., поскольку с высадкой японских войск на территории Кореи ее члены более чем на два года покинули страну, вернувшись в новом составе лишь в августе 1906 г. Прибывшему в Сеул новому начальнику Миссии пришлось все начинать с нуля, поскольку дом и участок Духовной миссии были разграблены, а отправленное на сохранение имущество за три года пришло в негодность [3, л. 18-18 об.].

**Таблица 1. Статистические сведения о деятельности
Корейской духовной миссии***

Отчетный год	церковных станов	сотрудники миссии		школы		количество учащихся	приют для вдов и сирот (чел.)	крещено за год	общее число православных	
		из русских	из корейцев	для мал.	для дев.					
1901	1	2	1	1		12		14	-	
1902	1	6	0	1		10			31	
1903	2	2	0	1		8			-	
1904	В 1904–1905 гг. Корейская духовная миссия не функционировала в связи с событиями русско-японской войны.									
1905										
1906	2	7	0	2	Открыта в 1909 г.	35	Открыт в 1915 г.	0	5	
1907	2	3	1	2		около 40		-	-	
1908	3	4	1	3		64		24	более 30	
1909	3	3	-	3		101		63	более 100	
1910	-	4	-	5		1		156	71	около 150
1911	-	3	1	4		2		240	110	около 260
1912	6	3	1	-		-		-	около 60	около 310
1913	6	2	-	-		-		-	около 50	около 350
1914	6	1	6	4				182	46	405
1915	6	2	7	4		-		183	17	118
1916	6	-	-	-	-	-	-	63	570	

* Сост. по ежегодным отчетам начальников РДМ в Корее [7].

Особенно негативно на положении Миссии в послевоенный период сказалось ослабление престижа России после ее поражения в войне с Японией, а также подозрительное от-

ношение японской администрации в Корее к деятельности русских православных миссионеров. «С одной стороны, ей предстоят японцы, фактические и бесцеремонные хозяева страны, – наши недавние политические недруги, народ весьма подозрительный и вообще скудный на симпатии. С другой стороны - корейцы - 12-миллионная масса, разочаровавшаяся в могуществе и значении России, и теперь относящаяся к нам нередко с явной, несдерживаемой насмешкой», - характеризовал положение Миссии ее начальник архимандрит Павел (Ивановский) в отчете за 1906 г. [9, л. 2].

Даже при таких весьма невыгодных условиях проповеди, архимандрит Павел (Ивановский) пытался поставить миссионерское дело на твердую почву. Им было возобновлено прошение в Св. Синод об устройстве в Сеуле православного храма, о чем Синод высказался благосклонно еще в 1903 г., обещая предоставить средства на его постройку. Тем не менее, несмотря на поддержку российских посланников в Корее по этому вопросу, которые отмечали, что «низенькая, убогая классная комната, в которой ютится ныне Православная Церковь в Сеуле, не может никого прельстить, и корейцы тщательно ее обходят и толпами устремляются или в роскошный католический собор, или в просторные протестантские церкви». И даже, несмотря на попытку архимандрита Павла построить в Сеуле церковь-усыпальницу, где были бы захоронены останки всех русских воинов, погребенных в Корее, вопрос о постройке храма был неактуален ни для Синода, ни для МИД, ни для инициаторов учреждения Корейской духовной миссии из Министерства финансов.

Министерство финансов заявило, что постройка храма едва ли может считаться неотлагательной в виду изменившейся расстановки сил на Дальнем Востоке, и указало лишь на недостаточность средств на церковно-строительные нужды внутри Российской империи [См. подр.: 2]. Иными словами, Корея не была больше сферой российских интересов, вследствие чего российские чиновники и дипломаты не были заин-

тересованы в финансировании миссионерской деятельности в стране, где доминировали японцы. Это неблагоприятным образом отразилось на положении русских православных миссионеров, ограниченных материально и предоставленных самим себе в деле проповеди.

Вплоть до 1917 г. включительно Корейская духовная миссия получала из Хозяйственного управления Св. Синода немногим более 10 000 руб. в год. Изредка тому или иному начальнику Миссии удавалось получить дополнительное единовременное вспомоществование от Св. Синода в размере 1 500 - 2 500 руб. [См., напр.: 7. – 1915. – №5-6. - С. 266]. Такое низкое финансирование православной миссии в Корее стало свидетельством полной утраты интереса к ней среди государственных чиновников.

О тяжелом материальном положении Миссии регулярно доносили российские дипломатические представители в Корее, отмечая, что средств миссии едва хватало на поддержание ее положения. Высказывались даже предложения либо о ее закрытии, либо о сокращении штата для увеличения сил Владивостокской миссии или подчинении архиепископу Японскому [2, л. 54-59, 62-63]. Тем не менее, Миссия продолжала существовать, ведя минимальную миссионерскую деятельность.

Начальниками РДМ в Корее архимандритами Хрисанфом (Щетковским) (1900–1904) и Павлом (Ивановским) (1906–1912) неоднократно предлагались проекты по реорганизации Миссии, увеличению ее личного состава и материального обеспечения [1, л. 170-171; 7], тем не менее, все они так и остались на бумаге. Архимандрит Павел (Ивановский) в своих письмах в Россию отмечал, что нередко сами корейцы называли православную миссию «нищенской». «...Мы не стыдимся бедности, зная, что она не порок, – писал он в одном из своих писем. – Но когда эту бедность выставляют вне дома, как показательницу православия, на позорище пред лицом иностранцев и иноверцев, ... то тогда она обращается уже в

своего рода преступление...». «Ведь в гости принято всюду ходить в приличном платье, а нас десять лет принуждают работать в гостях – за границей в рубище и говорить: смотрите, вот это православие, а мы представители его», – жаловался на положение сеульских миссионеров он [6].

Доходные статьи		Сумма
1.	Суммы, ассигнуемые из Хозяйственного Управления при Св. Синоде	11. 469 руб. 38 коп.
2.	Пожертвования от разных лиц	355 руб.
3.	Процент с текущего счета Миссии	270 руб. 81 коп.
4.	Остаток с прошлого года	1.439 руб. 38 коп.
Расходные статьи		Сумма
1.	Затраты по дому	3.541 руб. 41 коп.
2.	Содержание членов Миссии	6.779 руб.
3.	Содержание училищ	737 руб. 78 коп.
4.	Затраты на церковь и часовни	894 руб. 43 коп.
Итого:		
Получено		13.534 руб. 99 коп.
Потрачено		11.952 руб. 62 коп.
Остаток		1.582 руб. 37 коп.

Имеющийся у нас приходно-расходный отчет РДМ в Корее за 1915 г. наглядно демонстрирует как материальное обеспечение православных миссионеров, служивших Корее, так и весь спектр проводимых ими миссионерских мероприятий. Основные средства, как видно из Таблицы 2, затрачивались на «расходы по дому» и жалование миссионерам. Наличие в 1915 г. остатка в бюджете Корейской духовной миссии, свидетельствует, на наш взгляд, о низкой активности православных миссионеров в Корее, свыкшихся к этому времени

со своим скромным положением и занимавшихся лишь поддержанием уже существующих результатов.

Таким образом, деятельность православных миссионеров в Корее так и осталась лишь попыткой проведения российского «культурного влияния», поскольку осуществлению более масштабных «культурных» целей, которые были бы сопоставимы с результатами миссионерской работы иностранных миссионеров, препятствовал целый ряд причин. По нашему мнению, главными факторами низкой результативности Корейской духовной миссии, наряду с изменением в начале XX в. внешнеполитической стратегии Российской империи, были пассивная миссионерская традиция РПЦ, огосударствление Церкви в Российском государстве, а также отсутствие эффективной практики использования «культурного влияния» в российском имперском дискурсе в целом. Российское правительство желало бы значительных успехов православных миссионеров в Корее, однако не было готово их финансировать. Св. Синод, в свою очередь, лишь частично финансировал Российские духовные миссии за границей, получая средства на их содержание из сумм Государственного казначейства. Зависимость высшего органа управления РПЦ от государства в этот период затрудняла как финансирование духовных миссий, так и решение наиболее важных миссийских проблем, каждая из которых непременно согласовывалась с МИД или Государственным советом. Подобная ситуация, на наш взгляд, и обусловила невозможность эффективного российского культурного присутствия в Корее.